

Глава десятая. Возвращение в Жунфу и внезапная весть

По дороге назад Цзя Чжу всё ещё размышлял о случившемся в храме Сюаньчжэнь. Было очевидно, что известие о ядовитости «золотых эликсиров» нанесло сокрушительный удар по дяде, господину Цзину. До этого, поддавшись на уговоры корыстных даосов, тот всем сердцем стремился к обретению бессмертия и вознесению на небеса. Он даже собирался передать титул сыну, Цзя Чжэню, и, забросив дела огромного хозяйства, затвориться в храме Сюаньчжэнь.

Но внезапная трагедия разрушила эти призрачные грёзы. Смерть несчастного наглядно доказала: пилюли долголетия приносят не вечную жизнь, а мучительную гибель. Лично узрев ужасающие последствия отравления, Цзя Цзин словно очнулся под ледяным душем. В Нинфу он вернулся сам не свой — мрачный, подавленный. Разогнав слуг и заперевшись в своих покоях, он несколько дней не показывался на глаза. Пылающий в его душе огонь подвижничества угас навсегда. Вскоре даосов выставили вон, а о поисках бессмертия в усадьбе больше никто не смел заикаться.

Цзя Чжу, наблюдая за этим, втайне ликовал. И неудивительно: ведь в будущем упадок и бесчестие Нинфу начались именно тогда, когда глава семьи забросил дела и отстранился от воспитания близких, позволив Цзя Чжэню творить любые бесчинства. Теперь же, когда безумная идея о бессмертии оставила старшего господина Цзина, он поневоле останется в усадьбе. Под его строгим надзором Цзя Чжэнь, питавший к отцу немалый страх, уже не посмеет распускать руки и предаваться порокам.

Экипаж въехал в ворота поместья Жунфу. Спустившись на землю, молодые люди направились к главе семейства, Цзя Чжэню, чтобы доложить о поездке в храм Сюаньчжэнь. Однако в кабинете отца не оказалось. Один из слуг пояснил, что второй господин принимает гостя в парадной зале. На расспросы Цзя Чжу юноша шепнул, что в гости пожаловал сам министр Ли Шоучжун, глава Государственной академии.

Эта весть поразила Цзя Чжу словно удар грома среди ясного неба. Он замер как вкопанный, внезапно осознав, что упустил из виду самое главное. Отец с матерью уже давно задумывались о союзе с благородным семейством Ли, и разыграть в этой партии им предстояло именно его — своего старшего сына.

Пока молодой человек предавался тревожным думам, гость уже отбыл, и навстречу сыновьям вышел сам Цзя Чжэн. Заметив, что названный брат застыл в коридоре, Сююй мягко потянул его за рукав и увлёк за собой в кабинет. Цзя Чжу с трудом взял себя в руки и почтительно поклонился родителю.

К счастью, тот не обратил внимания на замешательство старшего сына. Вид идущих рука об руку юношей наполнил сердце Цзя Чжэна тихой радостью; он ласково улыбнулся и погладил ухоженную бородку — ему всегда было по душе, когда отпрыск общался с истинными книжниками. Сначала он расспросил Сююя о здоровье его близких, а затем принялся горячо напутствовать молодого гостя, суля ему блестящие успехи на государственных экзаменах. Сююй со всем почтением поблагодарил старшего за добрые слова.

Заметив внимание отца к другу, Цзя Чжу сделал шаг вперёд. Расспросив о происшествии в храме Сюаньчжэнь, Цзя Чжэн недовольно нахмурился и строго выговорил сыну, напомнив, что сейчас все его помыслы должны быть заняты исключительно подготовкой к экзаменам, а не суетными делами, попусту отнимающими силы.

Выслушивая нотацию с самым покорным видом, в душе Цзя Чжу лишь усмехался. Будь его воля, разве стал бы он соваться в эти дразги? Кому не хочется жить беззаботно, предаваясь праздности? Но если пустить всё на самотёк, позволяя родичам погрязнуть в кутежах и грызне за власть, то рано или поздно над домом разразится гроза, под обломками которой погибнут все без исключения. Ради собственного спасения ему приходилось трудиться не покладая рук.

Дав ещё несколько напутствий, отец наконец отпустил молодых людей.

Выйдя из кабинета, юноши направились к госпоже Ван. В последнее время её невестка, супруга старшего господина Ли-ши, совсем занемогла и почти не поднималась с постели, поэтому матушка Цзя временно препоручила все заботы об усадьбе госпоже Ван. Когда молодые люди подошли к её покоям, там толпились служанки и управляющие, ожидавшие распоряжений. Заметив прибывших, жена Чжоу Жуя скользнула внутрь, чтобы доложить хозяйке, и та поспешно выпроводила просителей.

Приподняв тяжелую портьеру, служанка впустила гостей. Юноши засвидетельствовали своё почтение. Сюй был ещё мал, и госпожа Ван, ласково улыбаясь, попыталась увлечь его за собой на кан, выказывая предельную заботливость. Однако мальчик вежливо отказался от столь высокой чести и скромно примостился на стуле.

В отношении к семейству Линь супруги проявляли редкое единодушие. Госпожа Ван прекрасно понимала, что будущая карьера её первенца теперь целиком зависит от содействия зятя Линя, у которого тот брал уроки. Ради блестящего будущего сына она была готова спрятать поглубже старые обиды на золовку Цзя Минь. К тому же сейчас у них не было причин для раздора, а возвышение Цзя Чжу сулило ей немалую выгоду. Да и старая предщица души не чаяла в своём внуке, так что радушный приём, оказанный Сюю, позволял госпоже Ван заслужить её расположение.

Поговорив с гостем, она обратилась к сыну, ласково журя его и наказывая обоим юношам во всём поддерживать друг друга, дабы вместе подняться к вершинам славы. Цзя Чжу покорно кивнул. Ещё немного побеседовав о пустяках, хозяйка отпустила их, велев идти к матушке Цзя.

Они вошли во двор главного дома. Служанки, завидев молодых господ, наперебой бросились приподнимать занавеси, докладывая о приходе гостей. В покоях старой госпожи уже собралось немало народу: помимо толпы прислуги, здесь находились юная Юаньчунь и отрок Цзя Лянь.

Цзя Чжу и Сюй поклонились сидевшей на кане матушке Цзя. Старая предщица расплылась в счастливой улыбке и тут же усадила обоих по бокам от себя, крепко прижав к груди с нескрываемой нежностью. Одна из угодливых невесток, желая выслужиться, тут же запричитала:

— Ох, старая госпожа, какова же ваша благодать! Словно золотой дракон и нефритовый феникс по обе руки — глаз не оторвать, истинно пара небожителей! Всякий позавидует такому счастью...

От подобных речей Цзя Чжу сделалось неловко.

«Ну и лезть...» — подумал он и украдкой покосился на Сююя.

Тот лишь слегка нахмурился, явно находя столь грубое славословие несусветной пошлостью.

Старой госпоже, впрочем, угодничество пришлось по душе.

— Твоя правда! — довольно рассмеялась она. — Гляжу на этих сорванцов, и на сердце радостно делается.

Но тут, вспомнив, откуда именно вернулись юноши, она встревожилась, усадила их прямо и принялась пристально осматривать со всех сторон:

— Сокровища мои, и зачем только вас понесло в это проклятое место? Слышала я, там покойник объявился... Не приведи небо, подхватите какую-нибудь скверну или дурной сглаз!

Цзя Чжу поспешил успокоить её:

— Не извольте гневаться, бабушка. Мы лишь ненадолго заглянули во двор и даже не переступали порога храмовых залов, так что никакая беда к нам не пристанет.

Матушка Цзя облегчённо вздохнула и потрепала его по плечу:

— Вот и славно. Сегодня у вас выдался свободный денёк, так что после полудня непременно отправляйтесь в сад, погуляйте на свежем воздухе. А если отец вздумает ворчать, так и скажите: бабушка велела. Нельзя же день-деньской над книгами чахнуть.

Юноши послушно склонили головы в знак согласия.

В палатах ещё долго звучал весёлый смех — Цзя Чжу принялся шутливо поддразнивать маленьких Юаньчунь и Цзя Ляня. Вскоре подали обед. Госпожа Ван принялась усердно ухаживать за свекровью у стола, в то время как её невестка Ли-ши осталась в своих покоях. Старая госпожа уже давно освободила захворавшую невестку от обязанности прислуживать за трапезой, велев ей поправлять здоровье. Хотя матушка Цзя всё ещё таила обиду на старшего сына Цзя Шэ и его супругу из-за ранней кончины маленького Цзя Мэя, Ли-ши происходила из знатного чиновного рода. Случись с ней непоправимое, перед её роднёй было бы не оправдаться, да и старшему сыну едва ли удалось бы сыскать партию столь же благородных

кровей. Посему старая госпожа искренне тревожилась о здоровье невестки, то и дело посылая в её покои лучшие яства и снадобья.

После сытного обеда Цзя Чжу и Сююй тепло простились со старшими. Госпожа Ван удалилась к себе, а юноши покинули парадные покои.

Поскольку матушка Цзя души не чаяла в старшем внуке, после его переселения из материнских покоев она забрала мальчика к себе. Одну из уютных боковых комнат в тёплом приделе своего дома она отвела под личный кабинет Цзя Чжу. Когда Сююй наезжал в усадьбу погостить, слуги поначалу порывались устроить для него отдельные покои, однако названные братья давно привыкли спать в одной постели. Не дожидаясь чужих распоряжений, они преспокойно укладывались вместе. Со временем дворцовая челядь и вовсе перестала утруждать себя лишними хлопотами, неизменно оставляя гостя в покоях молодого хозяина.

Этим днём Цзя Чжу сначала уложил притомившегося Сююя на ложе у стены, а сам прилёг рядом, притворяясь спящим. Дождавшись, когда дыхание названного брата стало ровным и глубоким, он бесшумно поднялся. Жестом велел служанке Лэнхэ присмотреть за спящим, молодой господин выскользнул за дверь и поспешил к средним воротам, где велел кликнуть своего личного слугу — Сияня.

Хотя Цзя Чжу редко брал Сияня с собой в поездки, на этого юношу была возложена куда более важная и тайная задача. Сиянь принадлежал к потомственным слугам Жунфу, его многочисленные родственники и друзья прислуживали во всех уголках поместья, что делало его незаменимым наутки. По указанию молодого хозяина малый усердно заводил дружбу со слугами второго господина и доверенными горничными госпожи Ван — то услужит в мелочах, то перехватит хлопоты. Подобная предусмотрительность в будущем могла сослужить неоценимую службу. Прочие слуги, зная, чьим доверием пользуется Сиянь, и сами охотно заискивали перед ним, стремясь выказать преданность старшему молодому господину.

Вызвав Сияня, Цзя Чжу первым делом принялся расспрашивать о подробностях утренней беседы отца с министром Ли. Слуга не подвёл: помимо деталей этой встречи он поведал, что вчера, пока молодой господин читал книги в доме Линь, госпожа Ван самолично нанесла визит супруге Ли Шоучжуна, прихватив с собой богатые дары для неё и молодой барышни Ли.

Уяснив суть происходящего, Цзя Чжу отпустил слугу, мимоходом одарив его парой серебряных лянов. Сиянь расплылся в благодарной улыбке, усердно поклонился и, бережно спрятав монеты за пазуху, поспешно удалился.